

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ РЕШЕНИЯ: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ

В науке уголовного судопроизводства нуждаются в рассмотрении и разрешении проблемы определения сущности, видов процессуальных решений, совокупности требований, предъявляемых к ним с точки зрения уголовно-процессуального закона, проведении их классификации. В представленной статье предлагается авторский подход к определению сущности уголовно-процессуальных решений, совокупности гарантий их законности и обоснованности.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, процессуальное решение

В п. 23 ст. 5 УПК РФ определение рассматривается как любое решение за исключением приговора, вынесенное судом первой инстанции коллегиально при производстве по уголовному делу, а также решение, вынесенное вышестоящим судом, за исключением суда апелляционной или надзорной инстанции, при пересмотре соответствующего судебного решения. В п. 25 ст. 5 УПК РФ постановление определяется как любое решение, за исключением приговора, вынесенное судьей единолично, решение вынесенное президиумом суда при пересмотре соответствующего судебного решения, вступившего в законную силу; решение прокурора, руководителя следственного органа, следователя дознавателя, вынесенное при производстве предварительного расследования, за исключением обвинительного заключения и обвинительного акта. В п. 28 той же статьи приговор рассматривается как решение суда о виновности или невиновности подсудимого и назначении ему наказания либо освобождении его от наказания, вынесенное судом первой или апелляционной инстанции. В п. 5 ст. 5 определяется вердикт – решение о виновности или невиновности подсудимого, вынесенное коллегией присяжных заседателей.

В соответствии с п. 33 ст. 5 УПК РФ процессуальное решение – это решение, принимаемое судом, прокурором, следователем дознавателем в порядке, установленном УПК РФ.

Сопоставляя указанные нормативные положения, представляется закономерным вывод: процессуальное решение – категория достаточно широкая. Формами ее выражения являются постановления, определения, приговор, вердикт присяжных заседателей. Однако содержание уголовно-процессуального закона позволяет

сделать и другой вывод, а именно, что эти формы не исчерпывают всех возможных видов решений, которые могут быть приняты при производстве по уголовному делу. Этот вывод не противоречит содержанию п. 33 ст. 5 УПК РФ, так как в нем речь идет не о форме принятия решения, а о порядке его принятия.

Наша цель в данном случае заключается в установлении совокупности требований, предъявляемых к процессуальному решению. От разрешения этого вопроса зависит возможность реализации одной из важнейших гарантий – обжалования решений, нарушающих права, свободы и законные интересы участников уголовного судопроизводства.

Проблема, на наш взгляд, заключается в том, что законодатель дает более широкое определение процессуальному решению, но *устанавливает перечень обязательных требований не по отношению к процессуальным решениям, а только в отношении отдельных форм этих решений.*

Как следует из имеющихся нормативных положений, законодатель не определяет обвинительное заключение, обвинительный акт, уведомление о подозрении, как процессуальные решения. В то же время из контекста п. 25 ст. 5 УПК РФ можно сделать вывод, что обвинительное заключение, обвинительный акт также являются формой выражения процессуального решения. Проблематичным выглядит отнесение к числу процессуальных решений постановления следователя о возбуждении перед судом ходатайства о производстве отдельных следственных действий или применении меры пресечения (ст. 29 УПК РФ). С одной стороны – это постановление, т.е. форма выражения процессуального решения. С другой – это просьба следователя к суду, т.е. обращение, лишенное

обязательных признаков, отражающих сущность именно решения.

Проблема определения процессуального решения не разрешена и новым Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 433-ФЗ. Этим законом предлагается дополнительная система уголовно-процессуальных решений, закрепленных в ст. 5 УПК РФ:

«53.1) судебное решение – приговор, определение, постановление, вынесенные при производстве по уголовному делу в судах первой и второй инстанций; определение и постановление, вынесенные при производстве по уголовному делу в суде кассационной инстанции; постановление, вынесенное при производстве по уголовному делу в суде надзорной инстанции;

53.2) итоговое судебное решение – приговор, иное решение суда, вынесенное в ходе судебного разбирательства, которым уголовное дело разрешается по существу;

53.3) промежуточное судебное решение – все определения и постановления суда, за исключением итогового судебного решения».

Однако, во вновь принятом законодательном акте речь идет только о судебных актах, хотя их характер и правовая природа имеет много общего с решениями досудебного производства.

В теории уголовного процесса утвердился взгляд на процессуальное решение как на правовой акт, выраженный в установленной законом процессуальной форме, в котором государственный орган или должностное лицо в пределах своих полномочий в определенном законом порядке дает ответы на возникшие по делу правовые вопросы, основанные на установленных фактических обстоятельствах дела и предписаниях закона, и содержащие властное волеизъявление о действиях, направленных на достижение назначения уголовного судопроизводства [2, с. 21-22]. П.А. Лупинская, являющаяся автором данного определения, совершенно справедливо сделала оговорку, что его содержание не отражает особенности решения (вердикта) присяжных заседателей. Мы бы хотели дополнить этот перечень ссылкой на указанные выше уведомление о подозрении и постановление о возбуждении перед судом ходатайства о применении меры пресечения или производстве следственного действия, в случаях, указанных в ст. 29 УПК РФ.

Дело в том, что и уведомление о подозрении, и указанное постановление о возбуждении перед судом ходатайства, каждое по своему, но отличаются от приведенного выше определения процессуального решения.

Уведомление о подозрении отвечает указанной в этом определении совокупности признаков за исключением одного: в законе не указано, что уведомление о подозрении есть форма процессуального решения. Это означает что уведомление о подозрении формально уголовно-процессуальным законом не признана формой выражения процессуального решения.

Сомнительным выглядит и другой признак уведомления о подозрении как процессуального решения – установленность фактических данных. Считать установленными те данные, которые составляют основу уведомления о подозрении преждевременно. Эти данные имеют предположительный характер и основой для вывода об их наличии или отсутствии в большинстве случаев являются не процессуальные доказательства, а данные полученные, например, в ходе оперативно-розыскной деятельности и закрепленные в непроцессуальных источниках, например, объяснениях.

В теории уголовного процесса по вопросу о характере сведений, служащих основой для принятия процессуальных решений имеется несколько точек зрения. Так, например, С.В. Ефремова считает, что «фактические основания проведения следственного действия могут быть установлены исключительно доказательствами, полученными в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом...» [3, с. 7, с. 109.]. Однако далее, полагаем, высказана уже иная точка зрения: «...производство следственных действий на основе одних только оперативно-розыскных данных недопустимо» [3, с. 8]. В связи с данным высказыванием остается неясным: должны ли основания производства следственного действия быть установленными только доказательствами или все же возможно использовать совокупность данных, имеющих как процессуальный, так и оперативно-розыскной характер?

В.А. Семенов считает, что «основанием для производства следственных действий могут служить не только уголовно-процессуальные доказательства, но и фактические данные, полученные из оперативно-розыскных источников» [4, с. 140.].

Мы придерживаемся этой же точки зрения, в случаях, когда речь идет о возможности принятия процессуального решения о производстве следственного действия. Например, производство обыска в соответствии с ч. 1 ст. 182 УПК РФ возможно при наличии достаточных данных полагать, что в каком-либо месте или у какого-либо лица могут находиться орудия преступления, предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела. Вряд ли можно говорить о том, что эти обстоятельства должны быть доказаны достаточной совокупностью относимых, допустимых, достоверных доказательств. Скорее речь должна идти либо о наличии совокупности процессуальных доказательств и сведений, полученных оперативно-розыскным путем, либо только о данных, имеющих оперативно-розыскную природу, хотя, конечно, в каждом случае принятия решения желательно, чтобы они были основаны на доказанных фактах.

В современном уголовном судопроизводстве имеются и другие решения, основанием которых могут быть обстоятельства, установленные посредством не только процессуальных доказательств. К их числу можно отнести и уведомление о подозрении.

На наш взгляд, критерием, позволяющим разграничить процессуальные решения, для принятия которых не требуется установления необходимых фактов посредством использования доказательств и тех, которые могут быть основаны исключительно на обстоятельствах, доказанных в установленном уголовно-процессуальным законом порядке, является процессуальное значение принимаемого решения. Если решающее значение имеет фактор достоверности фактических данных, служащих для установления обстоятельств, являющихся в свою очередь основанием для принятия процессуального решения, то необходимо использовать доказательства. Если достоверность уступает вероятности и решение может иметь соответствующий (вероятностный) характер, то в основе решения могут выступать сведения, полученные непроцессуальным путем.

Постановление следователя о возбуждении перед судом ходатайства о производстве следственного действия или применении меры пресечения, в случаях указанных в ч. 2 ст. 29 УПК РФ хотя и соответствует по форме, но, по сути,

процессуальным решением не является. Данный вывод основан на том, что в этом документе следователь *не дает ответ* (как указывала в своем определении П.А. Лупинская), а *ставит вопрос* перед судом. Таким образом, в этом постановлении отсутствует важнейший элемент решения – волевой характер.

Проведенный небольшой анализ признаков отдельных процессуальных актов дает основание для вывода, том, что в действующем уголовно-процессуальном законе отсутствуют четкие критерии, признаки, позволяющие определить процессуальное решение, установить их перечень. Во взаимосвязи находится и проблема применимости к отдельным процессуальным актам установленных законом требований.

В ч. 4 ст. 7 УПК РФ указывается, что определения суда, постановления судьи, прокурора, следователя, дознавателя должны быть законными, обоснованными и мотивированными. В ч. 2 ст. 297 УПК РФ устанавливает, что приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым. Ни одна статья уголовно-процессуального закона не оговаривает аналогичные требования в отношении обвинительного заключения, обвинительного акта, уведомления о подозрении. В то же время ряд процессуальных актов, соответствующих по названию формам процессуальных решений (постановления, и др.) прямо либо опосредовано выведены из-под действия отдельных, установленных уголовно-процессуальным законом, требований. Например, вердикт присяжных заседателей не обусловлен такими требованиями как обоснованность и мотивированность. Приговор суда, постановленный в особом порядке (гл. 40, 40.1 УПК РФ), имеет существенные изъятия в части своей обоснованности.

Сущность процессуального решения может быть выражена следующим образом – это волеизъявление властного субъекта (коллегиального или единоличного), принятое в установленном уголовно-процессуальным законом порядке и облеченное в определенную форму (т.е. выраженное в письменной форме, обладающей совокупностью обязательных реквизитов).

Ключевыми, на наш взгляд, характеристиками выступают: волеизъявление – подчеркивающее властный характер решения и выражающее сущность любого, а не только процессуального решения. Процессуальный характер

решения подчеркивают два обстоятельства: порядок принятия, форма выражения. При этом вряд ли целесообразно перечислять, а тем более давать исчерпывающий перечень форм выражения процессуальных решений. Тем самым будет затрудняться процесс формирования новых видов процессуальных решений и их практическая реализация.

Что касается требований, которым должно отвечать процессуальное решение, то мы полагаем, что уголовно-процессуальный закон должен иметь в данном вопросе унифицированный подход: любое процессуальное решение должно соответствовать совокупности установленных этим законом требований.

Учитывая, что ранее было дано определение процессуального решения, считаем возможным внести предложение о закреплении его нормативно в п. 33 ст. 5 УПК РФ.

В целях обеспечения законности, обоснованности и мотивированности процессуальных решений предлагаем изменить формули-

ровку ст. 7 УПК РФ, изложив ч. 4 в следующей редакции:

«4. Процессуальные решения суда, судьи, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя должны быть законными, обоснованными и мотивированными».

Подводя итоги, можно сформулировать следующие выводы.

1. Процессуальное решение – это волеизъявление властного субъекта (единоличного или коллегиального), принятое в установленном уголовно-процессуальным законом порядке и облеченное в предусмотренную этим законом форму.

2. Требования законности, обоснованности, мотивированности должны распространяться на все процессуальные решения, вне зависимости от формы их выражения. В связи с этим в действующий уголовно-процессуальный закон необходимо внести соответствующие изменения.

07.02.2011

Список литературы:

1. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2010. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. М., 2006.
3. Ефремова С.В. Обоснованность следственных действий как гарантия прав и свобод участников процесса: автореф. ... канд. юр. наук. Самара, 2004. Ранее эту же мысль высказывали Карнеева Л.М., Миньковский Г.М. Особенности пределов доказывания при принятии некоторых процессуальных решений в стадии предварительного расследования // вопросы предупреждения преступности. М., 1966. Вып. 4.
4. Семенов В. А. Следственные действия в досудебном производстве (общие положения теории и практики). Екатеринбург, 2006.

Сведения об авторе:

Гладышева О.В., доцент кафедры уголовного процесса Кубанского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, e-mail – volkolup@yandex.ru